

Росси Евгений Аркадьевич

В ГРАНИЦАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО К. ШМИТТА

В статье ставится задача рассмотреть и обосновать взаимодействие морали и политики, а также установить место, роль человека, государства и общества в данном процессе. Целью является анализ новой универсальной сущности и критерия политического единства, основанного на отделении нормативного и морального сквозь призму критики и социально-философской интерпретации концепта политического и теории различения "друг - враг" авторитетного немецкого политолога и юриста К. Шмитта. Сделан главный вывод о том, что индивидуальная свобода обретается политически и может получить моральное значение только в борьбе за экзистенциальное единство, тогда как либеральное мышление ограничивается критикой монополии политики у государства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/7-2/46.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (45): в 2-х ч. Ч. II. С. 172-175. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

5. Галай Ю. Г. Частновладельческие памятники старины и проблемы их сбережения в дореволюционной России // Памятники истории, культуры и природы Европейской России: тезисы докладов VI научной конференции «Проблемы исследования памятников истории, культуры и природы Европейской России». Н. Новгород, 1995. С. 152-153.
6. Данилов И. Правительственные распоряжения относительно отечественных древностей с императора Петра I, особенно в царствование императора Александра II // Вестник археологии и истории. СПб., 1886. Вып. 6. С. 1-50.
7. Здравомыслов К. Я. Церковно-археологические учреждения в минувшем году // Церковные ведомости. 1917. Приб. к № 8.
8. Комарова И. И. История законодательства по охране памятников архитектуры и культуры в России XVIII – начала XX века. (Историко-правовой аспект). М., 1989. 53 с.
9. Михеева И. В. Правотворческая деятельность Министерства внутренних дел Российской империи по охране памятников истории и культуры в XIX – начале XX веков. (Историко-правовой аспект). Н. Новгород, 1999. 177 с.
10. Отечественное законодательство XVIII-XX вв. об охране памятников археологии // Нижегородское исследование по краеведению и археологии: сборник научных и методических статей. Н. Новгород, 2004. С. 132-146.
11. Покровский Н. В. О мерах к сохранению памятников церковной старины // Христианское чтение. 1906. Т. 221. № 4. С. 482-483.
12. Работкевич А. В. Государственная политика в области охраны памятников истории и культуры в России в XVIII – первой половине XIX в. // Памятники истории и архитектуры Европейской России: мат-лы докладов и конференций. Н. Новгород: Издательство ННГУ, 1995. С. 55-61.
13. Разгон А. М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861-1917 гг.) // Труды НИИ Музееведения. М., 1957. Вып. 1. С. 73-128.
14. Смолин А. Ф. Краткий очерк истории законодательных мер по охране памятников старины в России с древнейших времен до начала XX века // Известия Археологической комиссии. Пг., 1917. Вып. 63. Ч. 2. С. 122-148.
15. Формозов А. А. Русское общество и охрана памятников культуры. М., 1990. 108+2 с.
16. Шалюгин М. С. Государственно-правовая охрана историко-культурного наследия в дореволюционной России: дисс. ... к.ю.н. Н. Новгород, 2005. 207 с.

LEGAL ASPECT OF PROBLEM OF CHURCH MONUMENTS PRESERVATION IN THE XVIII CENTURY

Pronina Elena Nikolaevna, Ph. D. in Law
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
proninae2014@yandex.ru

In the article the analysis of the normative-legal basis of the Russian legislation of the XVIII century in the sphere of church monuments preservation is given. The author makes an emphasis on the study of the national historiography of the stated problem using the works of famous historians and lawyers from the second half of the XIX century till nowadays. The researcher focuses on the characteristic of the decrees of the Senate and the Synod and the investigation of concrete events relating to the legal solution of the problem of church monuments preservation in the XVIII century.

Key words and phrases: the Russian Empire; the Russian Orthodox Church; church monuments; archival committees; the XVIII century; the Synod; The Hundred Chapters.

УДК 1; 17:172.1

Философские науки

В статье ставится задача рассмотреть и обосновать взаимодействие морали и политики, а также установить место, роль человека, государства и общества в данном процессе. Целью является анализ новой универсальной сущности и критерия политического единства, основанного на отделении нормативного и морального сквозь призму критики и социально-философской интерпретации концепта политического и теории различения «друг – враг» авторитетного немецкого политолога и юриста К. Шмитта. Сделан главный вывод о том, что индивидуальная свобода обретается политически и может получить моральное значение только в борьбе за экзистенциальное единство, тогда как либеральное мышление ограничивается критикой монополии политики у государства.

Ключевые слова и фразы: политическое; единство; политика; мораль; различение «друг – враг»; публичный враг; экзистенция; государство; человек.

Росси Евгений Аркадьевич, к. филос. н.
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
sewer13@yandex.ru

В ГРАНИЦАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО К. ШМИТТА[©]

Карл Шмитт (1888-1985) является не столько политическим теологом или классическим философом, сколько видным государственным юристом, главным теоретиком и основоположником учения о политическом.

Прежде всего, необходимо отметить, что немецкий мыслитель исходит из идеи коллективной политической свободы и не разделяет в либерализме идею индивидуальной свободы, которая противостоит всеобщей политической воле народа как нации. Это систематическое возражение в пользу эволюционного представления можно оставить, как оно есть, без изменений. Но теоретико-критическое объяснение и толкование такого представления заложено в основополагающем трактате для Шмитта *Понятие политического* [1], который нередко обсуждается, только в систематической связи с *Учением о конституции* [5].

Начнём с краткой ретроспекции вышеуказанного источника. Данный текст имеет 4 редакции (в 1927 г., в 1932 г., в 1933 г., в 1963 г.). Редакция 1933 года, в отличие от 1932 года, с одной стороны, содержит несколько национал-социалистских ассоциаций, с другой стороны, однако, имеет обратную тенденцию, пример религиозного предубеждения в отношении национал-социалистского беллицизма. Здесь все самые важные изменения касаются отмены исторической классификации отдельной дефиниции, которая была предпринята в редакции от 1932 года с первой главой, а также публикация доклада *Эпоха нейтрализаций и деполитизаций* [6]. Текст от 1932 г. (также как от 1927 г.) начинается со знаменитой преамбулы: «Понятие государства предполагает понятие политического». Этот сигнал отсутствует в редакции 1933 г., вместе с высказыванием об утрате государственной монополии политики. Также в тексте от 1933 года не опубликован доклад *Эпоха нейтрализаций и деполитизаций*. По сути дела заголовок был ироничным, поскольку философ показывает, что всякая попытка деполитизаций наоборот оборачивается только новыми политизациями. Поэтому, как считает Шмитт, было бы намного лучше, чтобы политику оставили там, где она была, в начале Нового времени: именно при религиозно нейтрализованном суверенном государстве. Однако такая монополия политики пришла в упадок. Примечательно, что такие исторические наброски уже отсутствуют в 1933 году, так как проблему с национал-социалистским захватом власти Карл Шмитт считает решенной. Исходное положение трактата гласит: «Подлинное политическое различие есть различие *«друг – враг»*». Тем самым, в это время уже не требовалось никаких дальнейших ссылок на затруднительное отношение политического к государству.

Редакция *Понятия политического* 1963 года дополнена «предисловием и 3 королярриями» от 1932 года [1]. Короляррии, как наименование трёх небольших сопроводительных текстов, подкрепляются жёстким выводом из применения на практике этой теории, и притязанием на её более новые разработки. Усовершенствование теории касается, прежде всего, поворота к международно-правовым и историко-научным исследованиям, которые сосредоточены в работе *Номос земли* [3]. Отдельно следует упомянуть *Теорию партизана* [4] в качестве *Попутного замечания к понятию политического* [2], в котором Шмитт затрагивает вопросы по реализации супрагосударственной политики.

Так, например, в предисловии от 1963 года философ называет текст от 1932 г. «попыткой ответа» на «вызов» угрожающий концом «эпохи государственности» и делает набросок «продолжение ответа», который в то же время представляет новый труд *Теория партизана* [4].

Итак, в 1932 году немецкий мыслитель начинает с определения места понятия в истории, а затем добавляет критериальное определение, которое он разрабатывает посредством абстракции других категорий:

«Специфически политическое различие, к которому можно сводить политические действия и мотивы, есть различие *«друга – врага»*. Оно даёт определение понятия в значении критерия, а не как исчерпывающая дефиниция или изложение содержания. Поскольку это различие не выводимо из других критериев, по отношению к политическому оно соответствует относительно самостоятельным критериям других противоположностей: добру и злу в моральном; прекрасному и безобразному в эстетическом и т.д. <...> Смысл различия друга и врага заключается в том, чтобы обозначать крайнюю степень интенсивности соединения или разделения, ассоциации или диссоциации; такое различие может существовать теоретически и практически, независимо от того, что применяются ли одновременно все те моральные, эстетические, экономические или иные различия. Политическому врагу не нужно быть морально злым, ему не нужно быть эстетически безобразным; он не должен выступать в качестве экономического конкурента, и, пожалуй, может оказаться даже выгодным, чтобы заключать с ним сделки. Он есть как раз другой, чужой, и для его сущности достаточно, что в особенно интенсивном смысле он есть экзистенциально нечто иное и чуждое, так что, в крайнем случае, с ним возможны конфликты, которые не могут разрешаться ни принимаемым заранее установлением общих норм, ни вердиктом >нейтрального< и поэтому >беспристрастного< третьего лица. Возможность правильного познания и понимания, а также право свидетельствовать и выносить решение здесь предоставляются именно только через экзистенциальное участие и причастность. Только сами участники между собой могут уладить крайний конфликтный случай; только отдельно каждый из них может решать, имеет ли значение инобытие чужого конкретно в данном конфликтном случае отрицание собственного вида существования и потому станет защищаться или вести борьбу, чтобы сохранять собственный, бытийственный вид жизни» [1, S. 26].

Отделение морального и нормативного в политике особенно важно для утверждения достоверности критерия. Тем самым Шмитт отличает политического врага от личного врага. В третьей главе он поясняет это следующим образом: «Враг – это только *публичный* враг, так как всё, что имеет отношение к такой совокупности людей, в частности, к целому народу, вследствие этого становится *публичным*» [Ibidem, S. 29].

Ссылаясь на античную этимологию, немецкий мыслитель отграничивает теологически полемичным способом своё понятие политического врага от христианской любви к ближнему. Здесь крайне важно, что он устанавливает определение политического врага в «публичном» враге и отличает от индивидуальных моральных определений врага. В таком случае установку на «публичного» врага он конкретизирует отношением народа и государства.

Далее в тексте он говорит главным образом о государстве как институциональной форме политического единства, которое принимает решение о вражде и войне. При этом он размышляет о современных национальных государствах и о войне, как о борьбе по отстаиванию своих прав политически организованного народа. При этом, принимая во внимание Версаль и Женеvu, он способен ясно и отчётливо представлять положение Германии. Тем не менее, ограничение «публичного» врага врагом государства является систематически убеждающим. Это следует из современного политического выбора в пользу сомнительно наступившей монополии политики государства. Шмитт выбирает государственную монополию политики, как право решать вопрос вражды и войны. Хотя он осознаёт ограниченность государственной монополии политики, все-таки в пользу такой политики он приводит довод о государстве, как исключительно политическом единстве.

Таким образом, необходимо провести различие между политико-теоретическим описанием и нормативно-практической оценкой. Получается, что сам критерий Шмитта фактически не представляет никакого решения для определенного политического субъекта. В тоже время он констатирует «тотальность» политического. Затем мыслитель обозначает, что политическое «никакая не предметная область, а только *степень интенсивности* ассоциации или диссоциации людей» [Ibidem, S. 38]. Потенциально любой конфликт может выиграть от степени интенсивности политической дискуссии. Можно спорить о любом нюансе таким образом, что, например, «пункт политического» достигнут и «новая субстанция политического единства» обосновывается. Но решающее значение в случае действия такого единства имеет то, что потенциально может политизироваться всё до такой степени, больше того, что может привести к случаю реальной угрозы войны или гражданской войны.

В отношении к этому условию тотальности политического его теоретик ставит вопрос о «разумном понятии о суверенитете и единстве» [Ibidem, S. 43] и находит ответ в государственном понятии классического международного права. Государство могло бы сконцентрироваться на праве войны и благодаря этому оно достигло бы полного внутрис государственного «примирения» [Ibidem, S. 46]. Это внутрис государственное восстановление мира предоставило бы государству право требовать от своих граждан «быть готовым умереть и готовым убивать».

В последних двух главах *Понятия политического* немецкий философ больше не делает никаких новых выводов по теории государства, но размышляет о собственной семантике. Теперь он считает, что: «Все теории государства и политические идеи можно было проверить и классифицировать в соответствии с их антропологией, осознанной или неосознанной, имеет ли она предпосылку >от природы злого< или >от природы доброго< человека» [Ibidem, S. 59]. Он констатирует «противоположность между так называемыми авторитарными и анархическими теориями» и устанавливает, что «все настоящие политические теории предполагают человека как >зло< т.е. ни в коем случае не определяют его как простое, но как существо >опасное< и динамичное» [Ibidem, S. 61]. По этой причине в своём антропологическом «пессимизме» Шмитт ссылается на традицию теологического догмата о первородном грехе точно так же, как он указывает и на философию государства Нового времени от Макиавелли через Гоббса к Гегелю. И делая ссылку на своё «антропологическое вероисповедание», иначе, например, чем Гоббс, политический мыслитель решает задачу философской разработки собственной политической антропологии. Для теории государства ему довольно «пессимистичной» предпосылки: преобладание потребностей у людей. Как такая предпосылка обосновывается и рассматривается с политической точки зрения, мыслитель считает предметом обсуждения идеологии.

Крайне важно, что Карл Шмитт истолковывает язык морали политически и возлагает ответственность на либерализм за *анти*-просвещение, разрушение разумных границ между моралью и политикой: «Дилемма духа и экономики классическая для либерализма, который пытается растворить понятие врага с деловой стороны в конкуренте, а со стороны духовной в дискутирующем оппоненте» [Ibidem, S. 28]. «Вместо этого либеральное мышление весьма систематическим способом избегает или не замечает государство и политику и превращается в характерную, всегда повторяющуюся полярность из 2 гетерогенных сфер, а именно этики и хозяйства, духа и дела, образования и собственности» [Ibidem, S. 69].

Поэтому типично моральная риторика в политике преобразила бы только экономические интересы. Значение самих интересов немецкий мыслитель разъясняет в своей «либеральной критике», которая направлена на государственную монополию политики. Поэтому систематическое сочетание политического и морального в публичной или частной сфере ещё не является убедительным. Такое сочетание может ссылаться только на данные отношения и, в общем, не разрабатывает понятие морального.

Безусловно, соединение или сочетание политики и морали оказывает решающее влияние на понятие политического. Потому критерий Шмитта может только описывать, когда конфликты станут резко политическими. Его ответ гласит: если люди готовы отправиться на войну. Но когда они идут на войну? По Шмитту они делают это тогда, когда будут полагать, что отрицается их «собственный род существования (экзистенции)». Этот ход мысли убедителен только если «собственный род экзистенции» понимается в моральном отношении. «Экзистенция» означала бы тогда нечто вроде моральной «самооценки» или моральной «идентичности». «Собственный род экзистенции» был бы тогда духовной деятельностью, наброском самости и таким началом, которое сознательно принимает и развивает собственные предпосылки из бытия присутствия.

Неслучайно, что этот момент подчёркивался в свободном проекте самости экзистенциальной философии у К. Ясперса, М. Хайдеггера. Также философская антропология того времени делала акцент на свободе человека. Карл Шмитт делает ссылку на Вильгельма Дильтея, Эдуарда Шпрангера и Хельмута Плесснера [Ibidem, S. 59] и таким образом определяет возможность и направление философского обоснования своего «антропологического вероисповедания». Но он не развивает данного обоснования. И никто из упомянутых современных философов не делал столь критические для либерализма выводы. И вообще можно подвергать сомнению, что философское начало индивидуальной свободы в состоянии привести к политическому антилиберализму.

Мыслитель утверждает, что «индивидуализм либерального мышления» [Ibidem, S. 70] не может мотивировать жертву готовностью умирать и убивать. Противоположность кажется скорее правильной: только при либеральном условии индивидуальной свободы является оправданной моральная идентификация индивидуумов с политической экзистенцией и единством. Достаточно одной перспективы индивидуальной свободы, чтобы дать моральный смысл политической власти. Шмитт верно считает, что люди борются не только за их индивидуальное самосохранение. Они уже тогда считают свой «собственный род существования» находящимся под угрозой, когда полагают свою самооценку, моральную чистоту просто оскорбленной.

Следовательно, экзистенциальное тождество частного с политическим единством, которое мобилизует готовность умирать и убивать в случае необходимости, подразумевает соответственно моральное тождество субъекта с политическим единством. Только этим тождеством граждане обязаны прочности политического единства, так как они готовы на крайние меры. Самоотверженность людей касается не только рационального вычисления индивидуальных шансов на выживание или получения государственных услуг, но и наличие надындивидуальной «нравственности».

Значит, «экзистенциалистическое» толкование К. Шмитта можно понимать, как моральную семантику. И она имеет смысл только в том случае, если воспринимает «собственный род экзистенции» как моральное действие. Однако *понятие политического* немецкого философа не может и не обязано обосновывать моральное понимание политического. Мыслитель воспроизводит моральное только политически и фиксирует его в сочетании со сферой либеральной критики политики.

Таким образом, Карл Шмитт не считает индивидуальную свободу основополагающей. Он не исходит из индивидуума, как причины и цели организации государства, скорее рассматривает форму организации «гражданского правового государства» исключительно как конституционное ограничение формы государственного правления. Поэтому систематическая последовательность его антилиберализма представлялась столь подробно. И на её альтернативу уже имелись намёки в том, что только из философской предпосылки индивидуальной свободы оправданно моральное тождество с политическим существованием, о котором говорит немецкий мыслитель и юрист. Поэтому правилен и конструктивен вывод Шмитта о потенциальной тотальности политического. И, пожалуй, что сегодня ещё сохраняется и существует своего рода «самоотверженность», которая называет правоведа именем нарицательным. Политическое господство субъектов отношений по поводу власти проанализировано с социологической точки зрения потому, что сохраняется лояльность масс. Аналогично было осуществлено нормативное рассмотрение, и потому господство необходимо выводить из перспективы независимого участия политических субъектов, как лиц, действующих и поступающих свободно. Тем не менее, *Понятие политического* не в состоянии обосновывать эту перспективность свободы. Хотя немецкий философ использует риторику свободы легитимного (политически злоупотребляет ею), у него нет определения морали и политики в виде отношения, которое бы объяснило господство как свободу. Систематически правильная последовательность была бы признанием и правом индивидуума, как цель и причина основания государства. Хотя бы в силу того, что люди, как дееспособные моральные субъекты, есть также политические субъекты, а для них это одинаково является необходимым морально, равно, как и политически, признавать свой статус субъекта основных законов и с этой целью образовывать государство.

Список литературы

1. Schmitt C. Der Begriff des Politischen: Text von 1932 mit einem Vorwort und drei Corollarien. Ausgabe: 3. Aufl. der Ausg. von 1963. Berlin: Duncker & Humblot, 1991. 124 s.
2. Schmitt C. Der Begriff des Politischen. Vorwort von 1971 zur italienischen Ausgabe // Complexio Oppositorum / H. Quaritsch (Hg.). Berlin, 1988. S. 269-274.
3. Schmitt C. Der Nomos der Erde im Völkerrecht des Jus publicum Europaeum. 4. Aufl. Berlin: Duncker & Humblot, 1974. 308 s.
4. Schmitt C. Theorie des Partisanen: Zwischenbemerkung zum Begriff des Politischen. 4. Aufl. Berlin: Duncker & Humblot, 1992. 96 s.
5. Schmitt C. Verfassungslehre. Berlin: Duncker & Humblot, 1928. 404 s.
6. Schmitt C. Zeitalter der Neutralisierungen und Entpolitisierungen // Schmitt C. Der Begriff des Politischen: Text von 1932 mit einem Vorwort und drei Corollarien. Berlin: Duncker & Humblot, 1963. S. 79-95.

WITHIN THE SCOPE OF THE POLITICAL OF C. SCHMITT

Rossi Evgenii Arkad'evich, Ph. D. in Philosophy
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
sewer13@yandex.ru

The article is aimed at considering and grounding the interaction of morality and politics and identifying the place, role of a human, a state and society in this process. The goal is to analyze new universal essence and the criterion of political unity based on the separation of the standard and the moral in the light of the criticism and social-philosophical interpretation of the concept –the political” and the theory of the distinction –friend – foe” of the authoritative German political scientist and lawyer C. Schmitt. The main conclusion that individual freedom is acquired politically and can get moral sense only in struggle for existential unity, whereas liberal thinking is limited to the criticism of the monopoly of the politics of the state is drawn.

Key words and phrases: the political; unity; politics; morality; distinction –friend – foe”; public foe; existence; state; human.